

Елена Иванова

ПОСЛЕ ВЫБОРА

роман в рассказах

Елена Иванова

После выбора. Роман в рассказах

«Автор»

2026

Иванова Е.

После выбора. Роман в рассказах / Е. Иванова — «Автор», 2026

Она всю жизнь считала, что выбирала сама. Профессию. Мужчину. Семью. Работу. Остаться или уйти. Но однажды, уже после шестидесяти, Елена приходит с мужем в МФЦ подавать на развод — и не встаёт, когда на табло загорается их номер. Почему? «После выбора» — роман в рассказах о женщине, которая умела любить, терпеть, заботиться и спасать всех, кроме себя, — и о том, как самые важные решения её жизни рождались не из свободы, а из страха потерять любовь, безопасность и право быть нужной. Это история не о том, как начать всё заново, а о том, как впервые понять: чего хочешь именно ты. #Психологическаяпроза#Семейныеотношения#Отношенияродителейидетей#Самон

© Иванова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Окно семь	5
Глава 2. Меланхолия	7
Глава 3. Географ	10
Глава 4. Место	16
Глава 5. Глаза собаки. Первый круг	19
Глава 6. Десятый этаж	21
Глава 7. Выбирай	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Елена Иванова

После выбора. Роман в рассказах

Глава 1. Окно семь

В зале МФЦ пахло тёплым линолеумом и кофе из автомата — тем кофе, который наливают от скуки и не допивают. На табло горело А-216. На их талоне стояло А-241.

Они сидели рядом, немного отодвинувшись друг от друга, как сидят в очереди чужие люди.

Елена держала на коленях прозрачную папку: два паспорта, свидетельство о браке, квитанции об оплаченной пошлине, сложенные ровно пополам. Голубые джинсы подчёркивали почти девичью худобу, но на тыльной стороне ладоней уже проступили тонкие жилки. Она подняла карие глаза и снова опустила их к папке. За окном стояла ранняя осень, та печальная пора прощания с летом, когда листья срываются с веток целыми пригоршнями и с сухим стуком бьются в стекло, будто просят обратно в тепло.

— Паспорт взяла? — спросил он.

— Да.

— Свидетельство?

— Да.

Больше говорить было не о чем. Почти пятнадцать лет — и не о чем.

Александр Петрович даже сидя держал выправку: узкий, худощавый, с загорелым лицом, покрытым морщинами, как трещинами в сухой земле. На нём был синий костюм, покроем похожий на военную форму, голубая рубашка и галстук, который они когда-то выбирали вместе, и шляпа, которую он не снял даже здесь, в казённом зале, будто она была частью той же формы. Он достал телефон, открыл новости. Привычное движение большого пальца снизу вверх, снизу вверх. Лицо разгладилось: ему было хорошо там, где не нужно было ничего чувствовать.

Напротив сидела молодая пара. Девушка положила голову спутнику на плечо, а он держал её ладонь и большим пальцем гладил костяшки. Просто так. Ни за что.

«Когда мы перестали быть как они?» — подумала Елена и не вспомнила даты.

Она поймала себя на том, что крутит на пальце обручальное кольцо — туда-сюда, туда-сюда, — но не остановилась. И отвернулась к окну.

Через дорогу белела стена, высокая, в зубцах, с башнями под тёмными шатрами. Новодевичий монастырь. В толще стены темнели узкие окна келий. В одной из них когда-то жила царевна Софья, запертая младшим братом, который, когда вырос наконец оказался сильнее её.

Елена достала телефон и открыла давно отложенный выпуск подкаста, тот, что сохранила когда-то, да так и не собралась послушать: «Как братья и сёстры определяют наши взрослые отношения». Вставила один наушник просто чтобы не сидеть в этой громкой тишине, где звучат только вызовы да ползут цифры на табло.

— Младший ребёнок, выросший под властью старшего, — говорил ровный женский голос, — иногда всю жизнь путает близость с подчинением.

Елена посмотрела на мужа. Он листал новости. Он не слышал. Он давно не слышал её, и это было их главное семейное умение: находиться рядом и ни разу не пересечься.

Она вспомнила, как он рассказывал когда то ей о своём детстве. Ему три, сестре четыре — всего год разницы, но она выше на целую голову. Колючий ковёр в красных ромбах. Он складывает из кубиков башню, по одному, а сестра одним движением сметает всё и забирает

верхний кубик себе. Он тянется — она бьёт его по руке. Он бежит к матери. Мать на кухне, ей не до них. «Разбирайтесь сами», — говорит она, не оборачиваясь.

Много лет спустя он рассказал Елене, как однажды, уже подростком, перехватил руку сестры за запястье и сказал: «Хватит», и она впервые посмотрела на него снизу вверх и отступила. Елена всегда слышала в этой истории победу. Только сейчас, в зале с ползущими цифрами, услышала страх.

Из динамика прозвучало:

— А-241. Окно семь.

Елена свернула провод наушника и накрыла руку мужа — тяжёлую, в коричневых пятнышках, руку немолодого человека. Он вздрогнул, словно она прикоснулась к нему впервые.

Она спросила тихо, всё ещё глядя за окно:

— Скажи... когда сестра тебя била, тебе было страшно?

Он молчал так долго, что она уже хотела убрать руку.

— Очень, — сказал он.

И Елена не убрала.

Где-то капал кофейный автомат. За окном летели и бились в стекло листья. Молодая пара напротив всё держалась за руки. А-241 погас. На табло появился следующий номер.

В дверях показалась сотрудница:

— По талону А-241 есть кто-нибудь?

Александр Петрович посмотрел на Елену. Она — на него.

Они не встали.

Прозрачная папка с двумя паспортами и свидетельством о браке так и осталась у неё на коленях.

Глава 2. Меланхолия

До окна семь Елена шла полвека. Всё началось с одного слова.

Она сказала его в пятом классе, у вешалок, наматывая на руку шарф. Устала, серое небо за окном, домой не хотелось. «У меня меланхолия», — сказала она девочке из своего класса. Сказала просто так, для себя: слово нашлось где-то в книге, показалось точным, как ключ к замку, и легло на то, чему у неё до сих пор не было названия. Девочка ничего не ответила, только посмотрела странно и передала слово дальше.

Классные часы Дина Петровна вела по средам. Садилась прямо, руки на парту, и разбирали поведение — по очереди, по той форме, которой их выучили: «Я считаю, что...» В ту среду разбирали Елену.

— Я считаю, что Лена задаётся, — говорил голос с соседнего ряда.

— Я считаю, что Лена говорит непонятными словами, — подхватывал другой.

— Думает, что умнее всех, — добавлял третий, не начиная с «я считаю», но никто не поправил.

Елена сидела за своей партой у окна, сложив руки, как велели, и смотрела невидящими глазами на чернильное пятно на крышке, чтобы не смотреть на лица.

— Меланхолия, — повторила Дина Петровна и обвела класс взглядом, приглашая улыбнуться. Класс улыбнулся, зашептался. — Скажи проще, Лена. Настроения нет — вот и весь сказ. Зачем нам твоя меланхолия?

Елена молчала. Молчание тоже сочли высокомерием.

Свой приговор Дина Петровна вынесла спокойно, без злости, и оттого он вошёл глубже, чем вошёл бы крик. Коллектив, сказала она, не любит, когда кто-то выставляется. Будешь выставляться — коллектив отвернётся, объявит бойкот. Никто тебе не враг, Лена. Мы тебе добра хотим. Просто не выделяйся.

Елена не заплакала. Это она умела с семи лет — не заплакать вовремя, а заплакать потом, дома, в ванной, пустив воду, чтобы за её шумом не было слышно всхлипов.

Придя домой, она привычно легла на свой неудобный диван, сжалась в комок и отвернулась к стене, думая об этом суде. Тогда она решила сделать ровно то, чего от неё хотели: убрать странное слово из речи, которая была «для всех». Спрятать, как прячут вещь, за которую могут наказать. На завтра, когда снова было серо и ничего не хотелось, она сказала однокласснице: «Настроения нет». И никто не посмотрел на неё странно.

Дома, вечером она рассказала матери про классный час, не жалуясь, просто чтобы кто-то заступился. Мать выслушала, не отрываясь от кастрюли, и сказала:

— Не надо выделяться. Дина Петровна права.

Слово «меланхолия» Елена не выбросила совсем. У неё в ящике стола, под общей тетрадью по алгебре, лежал небольшой красный блокнот в твёрдой обложке — подарок бабушки Милы. Туда Елена переписывала полюбившиеся строчки и иногда, стесняясь себя самой, придумывала свои. Туда же убрала и это слово, как убирают под замок то, что нельзя показывать. Она запомнила его навсегда именно потому, что его у неё отняли.

* * *

К выпускному классу слово «меланхолия» почти перестало всплывать в её обычной речи. Зато на выпускном сочинении оно вернулось само — Елена писала о «Евгении Онегине», о том, как Татьяна взрослеет через отказ, и рука шла легко, будто кто-то диктовал изнутри. Комиссия поставила высший балл.

— Иванова — пять, — объявила Дина Петровна и задержала на Елене взгляд, в котором было почти материнское тепло. — Вот что значит работать над собой.

Позже, проходя мимо учительской, Елена услышала через приоткрытую дверь её же голос:

— Я эту девочку пять лет вытягивала. Способная, только характер был непростой — всё выделиться старалась.

Елена прошла мимо, не останавливаясь. В её школьном портфеле лежал тот самый красный блокнот, который ей никогда не хотелось показывать Дине Петровне.

* * *

Тем же летом на кухонном столе легли рядом два листа — программы вступительных экзаменов в МГУ. Елена сама положила туда программу филологического факультета, тайком гордясь тем, что в семнадцать лет уже видит свой путь.

Мать, стоя у плиты за варкой супа, посмотрела на эту программу почти без интереса, как смотрят на письмо, адресованное не тебе. Потом она вышла из кухни и принесла другую программу, экономического, накрыв ею программу Елены.

— Тут хотя бы будет на что жить, — сказала она. — Из стихов суп не сварить. Отец твой тоже думал, что можно прожить на одной науке, за которую и платят-то копейки.

На слове «отец» она сильнее обычного стукнула ложкой о край кастрюли и сразу отвернулась к плите.

Отец ушёл от них и маленького брата Кирилла два года назад, к своей аспирантке, и с тех пор виделся с дочерью редко. В те несколько встреч на Пушкинской, сидя на лавочке, он смотрел под ноги и тихо спрашивал, как учёба и какие у неё планы; он хотел, чтобы Елена пошла в физику, стала, как он, кандидатом физических наук. Она любила его и остро пережила уход — так остро, что где-то внутри навсегда осталась догадка: может быть, он ушёл из-за неё? Может, она была слишком громкой, слишком заметной, мешала ему по ночам, когда под кухонной дверью светилась полоска и слышались его раздумчивые шаги. Спросить об этом отца она так и не решилась.

Спорить с матерью тогда она не стала. У неё вообще редко получалось спорить с родителями вслух: нужные слова находились только потом, наедине с собой, с опозданием на сутки.

Через несколько дней она несла документы в приёмную комиссию. В сумке лежали обе программы. На той, филологической, возле списка литературы, стояли её карандашные галочки: она давно отметила всё, что уже прочла. Экономическая программа была абсолютно чистой, без единой её пометки.

На развилке дороги Елена остановилась. На одном указателе значился гуманитарный корпус, на другом — экономический факультет, куда тянулся поток абитуриентов со строгими папками в руках. Она достала обе программы и несколько секунд переводила взгляд с одного указателя на другой.

Потом сложила филологическую вчетверо, убрала в сумку и пошла направо.

Много лет Елена будет говорить себе: «Я сама выбрала экономический». И это не будет ложью. Но и полной правдой — тоже. Она просто не заметила момента, когда решение матери стало неотличимо от её собственного.

Сложенную программу филологического факультета она так и не выбросила. Убрала в тот же красный блокнот, где уже лежали «меланхолия» и переписанные стихи. Иногда, когда в комнате общежития затихали три соседки, Елена доставала его и переводила пару куплетов французской песни — той, что отзывалась в ней высокой тянущей нотой. После этого засыпала спокойно, будто что-то глубоко спрятанное в ней наконец нашло выход, а утром снова шла на лекции по экономической статистике.

* * *

Однажды после занятий, когда она поднималась по лестнице общежития, сверху что-то гулко застучало по ступеням и остановилось у самых её ног.

Это был картонный тубус.

— Не наступите! — крикнул сверху мужской голос.

Глава 3. Географ

По лестнице кубарем скатился взъерошенный парень — кудрявый, светловолосый, в сером свитере, застиранном до полупрозрачности на локтях, и серых брюках, немного коротковатых, но чистых, со стрелками. Он подхватил тубус раньше, чем Елена успела наклониться.

— Извините, — сказал он и тут же, забыв договорить извинение, открыл крышку тубуса. — Цела? Не помялась?

Елена стояла на площадке между этажами, держа в руках посылку из дома: мать передала с оказией домашнее сливовое варенье, сладкое и тягучее, которое она любила не глотать сразу, а посасывать во рту, сидя над конспектами.

— Что не помялось?

— Да карта же. — Он вытряхнул из тубуса свёрнутый в трубку лист ватмана и, не спрашивая разрешения, расстелил его прямо на подоконнике лестничной клетки, придавив края локтями. — Вот, смотрите: здесь — Баренцево море. Видите, как течение заходит с запада и разворачивается? Не поверите, а оно тёплое: доходит сюда из Атлантики и согревает воду, мешает ей заледенеть...

Он говорил быстро и увлечённо, будто карта была живым существом, за которое стоило заступиться перед всем светом.

Елена поставила банку на подоконник рядом с картой и наклонилась.

— А почему всё-таки море замерзает, если это течение тёплое? — спросила она.

Он поднял глаза от карты, вдруг увидел её внимательные и доверчивые глаза и забыл, что вообще-то куда-то бежал.

За Сашей неторопливо спустился по лестнице ещё один парень, Игорь, тоже светловолосый, высокий, в синих джинсах и кожаной куртке нараспашку, — и, взглянув на них двоих, склонившихся над Баренцевым морем, улыбнулся с доброй насмешкой:

— Ты опять знакомишь девушек с морскими течениями раньше, чем спрашиваешь, как их зовут?

И, уже обращаясь к Елене:

— А вас как зовут на самом деле? Не так, как ему уже успело послышаться.

Она не сразу поняла, что он имеет в виду. Только гораздо позже, вспоминая этот вечер, она поймёт, что этот человек, Игорь, уже с первой минуты как будто расслышал за её обычным, вежливым «Елена» что-то ещё, чему пока не было названия.

Так Елена познакомилась с Сашей и Игорем — студентами географического факультета. Саша был из тех, кто способен часами рассказывать о течениях в северных морях человеку, который об этом не спрашивал, но не умеет с той же лёгкостью объяснить преподавателю, почему опоздал на семинар.

Игорь был другим. Он выбрал престижную по тем временам кафедру экономической географии зарубежных стран — умный парень из провинциальной Авдеевки, после армии и рабфака вытащивший свой счастливый билет на конкурсе. Они с Сашей уже были второкурсниками геофака, ребятами, которые могли научить, поддержать и помочь вчерашним абитуриентам.

Знакомство на лестнице постепенно переросло в дружбу. Рядом с ними Елене вдруг стало спокойно, особенно с Сашей. Своей увлечённостью океанологией он напоминал ей отца, влюблённого в физику. Саша не разглядывал её слишком пристально, не пытался угадать, что скрывается под её скользящей по губам улыбкой, — ему вполне хватало своих течений, карт и того, что рядом кто-то слушает, не перебивая. И он постепенно влюблялся в это тихое её присутствие. Это оказалось для неё неожиданно удобным: можно было и оставаться закрытой,

не показывая свои истинные чувства, и всё равно не быть одной, чувствовать рядом мужское плечо.

Весна 1981 года раскрасила Воробьёвы горы и Ботанический сад университета яркими мазками цветов. Зацвела сирень и возле общаги на Ломоносовском, живущей в обычной советской тесноте: по четыре кровати в комнатах общежития, вечная очередь в душ на этаже и мокрое бельё, развешанное на батареях.

К весне Елена, Саша и Игорь были знакомы уже полгода и дружили той дружбой, что завязывается на общих кухнях, где спорят обо всём до утра, потому что больше просто негде спорить.

Саша оставался всё тем же: неловким, увлечённым, не умеющим замечать полутона. Он мог часами объяснять Елене происхождение Эль-Ниньо или рассказывать про экспедицию, в которую мечтал попасть после диплома, и совершенно не замечал, что где-то на середине рассказа она успевала задуматься о чём-то своём и вернуться обратно, не потеряв нить только потому, что научилась кивать вовремя.

Но Игорь замечал такие вещи сразу.

Однажды на общей кухне, когда Елена упомянула недавно прочитанную книгу Франсуазы Саган и, начав рассказывать о своих мыслях о ней, заметила, что он слушает внимательнее, чем нужно для вежливости, сама себя оборвала: «Впрочем, неважно», — он посмотрел на неё поверх чайника и сказал:

— Ты всё важное заканчиваешь словом «неважно».

Она отшутилась. Но запомнила эти его слова.

С тех пор он видел и другое: она никогда не садилась на свободный стул первой, дожидаясь, пока его займут другие; она понижала голос, стоило в комнату войти кому-то уверенному в себе; она извинялась перед тем, как высказать мнение, будто заранее просила прощения за то, что оно у неё вообще есть. Однажды, когда он, постучав, быстро вошёл в их комнату, она не успела спрятать красный блокнот со своими стихами и переводами. И он заметил, задержал на нём взгляд, но ничего не спросил.

Она внутренне понимала: Игорь видел её насквозь, мог прочесть в её глазах то, что она не хотела показывать никому, и это одновременно и притягивало Елену, и пугало её.

Она всё узнала про Игоря. У него была девушка Галя, москвичка, с квартирой родителей в Балашихе и с уверенностью человека, для которого город никогда не был чужим. С Галей ему было легко: она смеялась над его провинциальной осторожностью, таскала его в театры, знала Москву так, будто город был большой квартирой, где ей известна каждая дверь. Галя всегда знала, где достать билеты, где занять очередь, если в магазине «выбросят» дефицит, как разговаривать с комендантом. Она уже строила разговоры о будущем с ним так, будто оно было почти решённым делом: защитим дипломы, потом, возможно, поживём у её родителей, потом — остальное.

Игорь Гале хранил верность и изменять не собирался — это Елена видела. Видела и другое: Галя была для него не только любимой девушкой. Брак с москвичкой означал возможность остаться в Москве, ту самую жизнь, ради которой он прошёл армию, рабфак и конкурс. Однажды на кухне кто-то в шутку сказал об этом вслух, и Игорь не ответил, отвёл глаза, перевёл разговор на билеты в театр, и по тому, как торопливо он это сделал, Елена поняла: ему стыдно, что чувство к Гале и трезвый расчёт у него совпали так удобно.

Саши и Игорь дружили уже год, живя в одной комнате в общежитии, и дорожили этой негромкой дружбой. Однажды Саша, чинивший сломавшуюся у них внезапно настольную лампу, сказал другу неловко, по-мужски, глядя не на него, а на разобранные детали:

— Кажется, у меня с Леной серьёзно.

Игорь понял: пути назад для честного разговора больше нет, и принял тогда первое решение: не оставаться с Еленой наедине без крайней нужды. Оставалось надеяться, что случая для крайней нужды не представится.

Но этой надежде не суждено было сбыться.

* * *

Май 1981 года пришел в столицу теплыми дождями, нежной молодой зеленью и солнечным чувством, поселившимся в душе Елены: вся природа расцветает только для тебя. На первомайский пикник они поехали вчетвером: Елена, Саша, Игорь и Галя, везя с собой сумки с варёными яйцами, помидорами и огурцами, зеленью, банки кильки в томате и бутылки дешёвого крымского, купленные вскладчину.

В электричке Галя, нежно поглядывая на Игоря, потянулась к нему, чтобы поправить Игорю сбившийся воротник, ненароком коснувшись его шеи. Потом она достала из своей сумки бутерброд, завернутый отдельно и приготовленный специально для него — с сыром, но без лука, и протянула: «Хочешь?». Игорь засмутился: «После, давай уже на пикнике будем есть», и вернул бутерброд в сумку. Там же лежали эмалированные кружки, алюминиевые ложки, несколько стаканов, завернутых в газету, салфетки и подстилки для пикника. Где-то в одной из сумок дребезжал транзисторный приёмник, а рядом с банками лежал складной нож с потемневшей деревянной ручкой. Специального консервного ножа у них не нашлось.

Место для пикника отыскивали в подмосковном лесу быстро. Сначала всё было весело. Саша, сидя на подходящем большом валуне, тут же начал объяснять его происхождение, увлечённо рассказывая о какой-то ледниковой морене, о которой узнал из курса геологии. Галя беззлобно подшучивала над его серьёзностью. Игорь, выложив продукты и бутылки из сумок, нарезал овощи и хлеб, разложив их на газете, постеленной на старом пне.

Она заметила его хозяйственность раньше, чем обратила внимание, что замёрзла, сидя рядом с Сашей на огромном холодном валуне. А Игорь заметив, как она ёжится от свежего ветра, качавшего кроны обступивших их полянку деревьев, предложил:

— Надо бы разогреться! Лена, пойдём за хворостом.

Костёр из веток, найденных поблизости, не разжигался: отсыревшие после недавнего дождя ветки не занимались огнём. Саша с Галей остались накрывать стол для пикника, а Елена с Игорем пошли собирать сухие ветки. Это дело им нашлось само собой, без чьей-либо подсказки.

Лес был мокрый и тихий, пахнувший рыхлой землёй и мокрой корой. Голоса Саши и Гали быстро стихли за деревьями, и на какое-то время они с Игорем шли молча, и шорох их шагов по прошлогодней листве да птичье щебетание были единственными для них звуками в этом майском лесу.

— Послушай, на кого бы ты на самом деле хотела учиться, если бы не... ? — вдруг спросил он, не оборачиваясь, будто продолжал давно начатый разговор.

— Я и поступила, куда хотела, — ответила Елена привычно.

Он ничего не ответил на это, но его взгляд сказал ей: «Не верю».

— На филологический, — призналась она вдруг, сама не понимая, зачем.

— Почему не пошла?

— Так получилось.

— Нет. Не пошла — сама, — сказал он тихо.

Она вдруг разозлилась. Не на Игоря — на слово «сама».

Они одновременно потянулись за одной длинной сухой веткой. Их руки встретились, его рука накрыла её пальцы, обхватившие ветку. Накрыла и держала их, будто согревая...

Игорь поднял глаза, тихо произнёс её имя и притянул к себе. Она мягко подалась к нему, запрокинув голову, и закрыла глаза в ожидании его губ.

Но объятие вышло без поцелуя и оказалось от этого только сильнее. Она запомнила его ладонь между лопаток, запах хвои и мокрой земли, тепло его тела сквозь тонкую ткань рубашки и ощущение, что её не пытаются удержать или присвоить, что она стоит на собственных ногах и всё равно может на мгновение перестать себя защищать.

— Я всё время старался этого не делать, — сказал он ей в самое ухо.

— Тогда не надо, — ответила она, продолжая прижиматься к нему.

— Саша ждёт, — сказал он ещё через несколько секунд.

— Знаю, — ответила она.

Они простояли так ещё немного, прежде чем разжали руки и молча подобрали хворост, будто он всё это время и был единственной целью их прогулки.

* * *

Когда они вернулись к потухшему костру, то сразу поняли: что-то случилось.

Галя стояла на коленях перед Сашей. На земле — полуоткрытая банка кильки, нож с деревянной ручкой и мокрая от крови салфетка, уже насквозь пропитавшаяся. Такое же красно-бурое пятно темнело и на клетчатом пледе-подстилке.

При попытке вскрыть банку нож соскользнул и глубоко рассёк Саше ладонь между большим и указательным пальцами.

Тепло, которое ещё несколько минут назад оставалось между лопатками Елены от ладони Игоря, мгновенно исчезло. Перед ней была кровь.

— Руку выше, — сказала Елена. — Саша, смотри на меня.

Игорь быстро скинул куртку, рубашку, снял с себя белую майку, и резким движением разорвал ее по швам пополам. Разделив ткань майки на полосы, удобные для перевязки, он сложил их и туго прижал к ране, бинтуя раненую руку. Елена держала повреждённую руку поднятой, как учили в школе на уроках гражданской обороны, стараясь не смотреть слишком долго на то, как сквозь ткань повязки всё равно проступает тёмное. Галя судорожно собирала разбросанные вещи в сумку.

Саша, бледнея, пытался пошутить:

— До свадьбы заживёт!

— Молчи, — велела ему Елена, и он послушно замолчал, опустив голову.

— Хоть консервы не выбрасывайте, — сказал он ещё, и от этой его заботы о брошенной банке кильки в томате ей стало так жаль его, что внутри что-то окончательно решилось. Что — она сама ещё не понимала.

До больницы добрались на попутном грузовике. Водитель, войдя в положение, сменил маршрут и довёз прямо до больницы скорой помощи. В приёмном покое пахло антисептиком и мокрой клеёнкой. Пожилой врач, выслушав их рассказ, укоризненно покачал головой: «Эх, молодость, молодость...», сделал противостолбнячный укол и, посмотрев рентген, сказал, что кость не задета, но, похоже, разрезано сухожилие и потребуется операция. Сашу оставили в больнице.

— Вы же будете приходить? — спросил он ещё в приёмном покое, глядя на обоих сразу — на Игоря и на Елену.

— Конечно, — ответили они одновременно.

* * *

Позже, на ступенях больницы, пока Галя отходила звонить родителям, Игорь сказал коротко:

— Он мне сегодня сказал про себя и тебя. До поездки.

— А в лесу?.. — спросила она.

— В лесу я об этом вспомнил.

Это было честнее, чем если бы он стал оправдываться.

— Мы ничего им не скажем, — сказала она наконец.

— Потому что он ранен?

— Не только.

— Из-за Гали?

— И из-за неё.

— А из-за меня? — спросила она вдруг, сама себе удивившись.

Он ответил не сразу.

— Именно из-за тебя — тоже.

Она могла бы в тот момент честно признаться в своих чувствах хотя бы себе самой. Но ответила Игорю так, как привыкла, как считала правильным:

— Саша сейчас не должен потерять ещё и нас.

Игорь молча посмотрел на неё и отвёл взгляд

* * *

Следующую неделю Елена ездила к Саше в больницу. Везла еду, ведь на больничном питании здоровый мужчина долго не протянет. Потом, когда Сашу выписали домой, она переписывала для него конспекты лекций его однокурсников, помогала застёгивать рубашку, жарила ему картошку на общей кухне. Игорь тоже помогал: договорился с преподавателями об отсрочке зачётов Саши, доставал конспекты, шутил, но ни разу больше не остался с Еленой наедине. Галя заботилась о Саше наравне со всеми, но по-прежнему строила с Игорем совместные планы на лето — и, кажется, ни о чём не догадывалась...

Саша поправлялся. Через несколько недель он уже мог держать в руке ложку, потом — карандаш, потом осторожно, морщась, сжимал кулак, разрабатывая кисть. Однажды, когда они, встретившись после лекций, возвращались вдвоём по зелёной аллее мимо Ботанического сада МГУ, он вдруг остановился, и неловко, глядя куда-то в сторону, сказал:

— Лен, давай на последнем курсе поженимся.

Елена не ответила сразу. Смотрела на его руку, на затягивающийся розовый шрам между большим и указательным пальцами.

С Сашей ей было спокойно. Он никогда не заставлял угадывать, что чувствует, не исчезал, не выбирал между ней и кем-то ещё. Он любил её открыто и просто. За эти недели она привыкла знать, когда ему пора менять повязку, как ему удобнее застёгивать рубашку, сколько сахара он кладёт в чай. Ей казалось странным сомневаться в чувстве, если жизнь уже так естественно устроилась вокруг другого человека. Наверное, любовь и была именно этим.

Лес всплыл на секунду — мокрая хвоя, тёплая ладонь между лопаток, и она сама отодвинула это живое воспоминание. То было невозможно.

— Пока не знаю, подумаю, — сказала она.

К этому разговору он потом возвращался не раз, а она так же откладывала окончательный ответ. Но постепенно будущее с Сашей перестало казаться одним из возможных и стало просто будущим.

Весной 1984-го они расписались. Когда Саша ставил подпись, шрам натянулся между большим и указательным пальцами. Елена смотрела на его руку и чувствовала спокойствие. Всё было правильно: они были вместе уже столько времени, знали друг друга, помогали друг другу. Ей тогда казалось: другого доказательства любви и не нужно. К тому же возвращаться домой, в Ростов, в тесную квартирку к матери с братом ей совсем не хотелось. Там её не ждали. Да и она помнила, как после рождения брата Кирилла на неё, ещё школьницу, легла значительная часть домашних обязанностей, и не хотела опять оказаться послушной дочерью и сестрой, стирающей брату носки и убирающей разбросанные им по всему дому грязные майки.

Тогда, в ЗАГСе она сказала «да» не только Саше, но и своей новой, самостоятельной жизни, которую она выбрала, как ей казалось, сама.

К рождению Ивана Елена уже почти не вспоминала лес и ветку, за которую они с Игорем взялись одновременно. Зато шрам на Сашиной ладони видела каждый день, и он был ей напоминанием об этом ее личном выборе.

Он белел, когда Саша тащил домой тяжелые сумки с провизией, и краснел от слишком горячей воды, которой Саша мыл посуду на их общей кухне семейного общежития, куда их поселили как молодоженов.

Так началась их семейная жизнь, а через несколько месяцев она поняла, что беременна.

Глава 4. Место

Последний экзамен пятого курса она сдавала на в конце девятого месяца беременности. Живот уже не помещался между стулом и столом аудитории, где столы были наклеплены тесными рядами. Она отвечала стоя, придерживая его снизу, чтобы тяжестью не так тянуло вниз, а немолодой добрый преподаватель в круглых очках, сидевших на крупном мясистом носе, только кивал и не перебивал, будто боялся, что она родит прямо здесь, над билетом по экономической статистике.

Поставил «отлично». Зимняя сессия кончилась, а с ней и вся учёба; оставался диплом, но диплом был весной, а до весны было ещё далеко.

В общежитие на Ленинских горах она поднималась на лифте. По лестнице ходить было тяжело. Их комната в семейном общежитии была в зоне «Б», на десятом этаже Главного здания МГУ. Это была узкая комната – пенал с запахом старой мебели из карельской березы, поставленной сюда еще в сталинские времена: секретер с откидной крышкой, превращавший его в место для занятий, два стула и неширокая кровать, на которой с трудом помещались они вдвоем. Еще была «гостевая» раскладушка, позаимствованная у приятелей по этажу и детская коляска, купленная у таких же как они студентов на барахолке по случаю. детская кроватка, Морские карты Баренцева моря были развешаны по стенам, там, где обычные студенты вешали вырезанные из журналов фотографии любимых актеров.

Немолодая врач-гинеколог в женской консультации, прослушивая стетоскопом живот Елены, сказала: «Активный ребенок, толкается резво. Готовьтесь, мамочка, к родам!». Елена вышла на мороз, дошла до почты с междугородними телефонами -автоматами, глотавшими по 15 копеек за каждую минуту разговора, и позвонила матери. Так почему-то вышло само: первой сказать о близких родах ей, родившей ее саму.

— Мама, врач говорит, скоро. Что мне делать?

В трубке помолчали. Потом мать сказала коротко, как всегда, когда речь шла о деле:

— Не волнуйся. Жди. Я к вам выезжаю.

И Елене сразу стало спокойнее от того, как это было сказано. Не «не бойся», не «всё будет хорошо». А «я выезжаю». Мать не умела говорить нужных слов, зато умела приезжать вовремя.

* * *

В тот же вечер она рассказала мужу: роды скоро, приедет мать, поможет на первых порах, научит, как обращаться с малышом. Саша замялся: «А как мы тут поместимся вчетвером?». Елена не нашлась, что ответить, об этом она просто не подумала.

Но выход неожиданно пришел, и пришел от друзей. Игорь с Галей собирались на неделю после Нового года в Калининград к Галиной родне. Они и позвали Сашу с собой.

Саша не сразу решился сказать жене. Океанолог, он мечтал побывать на Балтике, а случай за эти годы так и не представился. Он долго мямля, поглядывая то на живот жены, то на карту течений, и наконец осмелился сказать ей об этой поездке.

— Езжай, — сказала Елена.

— Правда, езжай. Меня мама из роддома заберет, она завтра приедет. Мы как-нибудь справимся вдвоем. Куда мы втроём в этой комнате: ты, я и мама? Только мешаться будешь.

Он посмотрел на неё, потом на синюю коляску в углу, уже готовую к приему нового жильца.

— Тебе твоя мама тут нужнее, чем я, — сказал он наконец, будто уговаривая себя. — Когда я вернусь, сын уже родится. Точно?

— Точно, — сказала она. — Врач сказала, пора бы идти в роддом уже. Срок вышел, рекомендовала плановые роды, чтобы все прошло нормально.

Она верила в это просто, без всякого предчувствия.

Саша уехал утром на следующий день. Уходя, поцеловал её в висок, погладил живот теплой ладонью с белевшим на ней шрамом, и уже с порога ещё раз спросил, обернувшись: «точно?» — и она махнула рукой: езжай.

Место в комнате освободилось. В тот же день его заняла мать.

* * *

Мать приехала поездом, с одной сумкой, и, ещё не сняв пальто, оглядела комнату быстро, оценивающе, без умиления. Через час у неё уже был собран отдельный пакет для роддома. Елена и не знала, что нужно столько всего, хоть и готовилась, покупала пеленки и соски, чепчики и распашонки для малыша. Но мать знала всё: что взять, куда звонить, что спросить, где находятся ближайшие роддома и какой из них лучше.

— Ляг, — сказала она Елене. — Береги силы. Завтра пойдем в роддом на плановые роды.

С утра мать без суеты вызвала такси ко входу в Главное здание МГУ, спустилась с ней на десять этажей, поддерживая под локоть, усадила, села рядом. Всю дорогу держала, легко сжимая, её руку своей сухой, крепкой, всё умеющей рукой.

Иван родился через сутки. Роды она не запомнила, все прошло как в тумане, нахлынувшим от сильной боли, разрывающей тело. Его, новорожденного сразу положили ей на живот, и она внезапно ощутила его тельце частью своего, истерзанного болью тела. И одновременно он стал и ее частью и ее избавлением от этой уже утихающей боли.

Ее мать увидела внука первой через стекло родильной комнаты: покрасневшего от натужного крика мальчика с синими глазами и легким пушком на младенческой головке. Мать и бабушка были первыми близкими, которые встретили его в этом страшном, огромном и непонятном мире. Отец в этот час был на Балтике, смотрел на серое зимнее море, которое так любил, и ещё не знал, что стал отцом; телеграмму он получит только через день.

* * *

Домой её выписали через несколько дней. Она вышла с голубым конвертом на морозный январский воздух. Мальчик тихо спал на ее руках. К нему потянулась мать, прижала к себе, заглядывая в еще сморщенное личико младенца.

- На отца похож, - обронила мать, - не наши гены.

Они вместе поднялись на десятый этаж. Мать несла голубой свёрток с малышом. Елена несла нетяжелую сумку, чувствуя в себе давно не испытанную пустоту внутри и какую-то легкость. Свершилось! Она теперь мать.

Их комната теперь изменилась стала другой, комнатой, где теперь жил ее ребёнок.

Ночью, после кормления, когда сын затих у нее на груди, перестав чмокать и искать сосок, Елена сидела и смотрела на него, освещаемого в неярком ночным уличным светом. Крошечные ногти, каждый меньше спичечной головки, мягкое, чуть подрагивающее место над виском. Она вспоминала, как его рот только что искал грудь, как он пах — молоком и ещё чем-то совсем незнакомым, чему она не знала названия.

Он просто был, и был весь ее.

Днём мать, держа его на руках, вдруг заговорила с ним, и Елена не узнала ее голос. Вместо обычного, строгого, он стал тихим, воркующим, какого Елена за ней не помнила. Елена смотрела и думала: вот, значит, как. Наверное, и со мной она когда-то была такой, любящей и нежной, а не строгой и требовательной, какой я ее всегда знала. Но она приехала, помогла, подставила плечо, когда мне оно стало нужным. Не муж Саша, а она.

Это и была ее любовь.

* * *

Саша вернулся через несколько дней после ее выписки из роддома. Вошёл, еще пахнувший балтийским ветром и морской солью, и почувствовал: он - чужой в этой комнате, где за неделю переменялось всё. Постоял на пороге, не зная, куда положить свой рюкзак среди разложенных повсюду детских вещей и влажных пеленок.

Коляска стояла в углу, и из нее доносился негромкий, но уже требовательный плач малыша.

Саша подошёл к ней, долго смотрел на своего ребенка, не решаясь взять на руки это хрупкое живое тельце.

— Возьми его на руки, — сказала Елена.

— А как?

Она осторожно взяла сына сама и показала, как: одну ладонь под голову, другую под спину. Он взял осторожно, будто нёс что-то стеклянное, и застыл, боясь дышать. Иван, гулявший в коляске в детской распашонке, зачмокал, зевнул и вдруг ухватился крохотными пальцами за его большой палец, у основания которого белел шрам, оставшийся с того леса, с той весны, с той крови, из-за которой она когда-то решила выбрать эту руку.

Теперь за эту же руку держался их новорожденный сын.

Саша поднял на Елену глаза, но ничего не смог сказать. И хорошо, что не смог: любые слова были бы меньше того чувство, что отразилось на его лице.

* * *

Так и прошли первые дни — тесные, недосыпающие, но счастливые. Мать уехала почти сразу после возвращения Саши, оставив полный холодильник и список указаний по уходу: как купать, как пеленать, сколько кормить и гулять. На прощание сунула Елене свёрнутую трёшку на пеленки и не позволила отказаться.

Той же ночью, уже без матери, раньше помогавшей укачивать беспокойного малыша, Иван снова проснулся и заплакал. Елена приподнялась, но Саша встал к нему первым.

— Лежи, — сказал он в темноте. — Я принесу.

И вернулся с ребёнком, неловко, но крепко прижимая его к груди повреждённой рукой. Отдал ей не сразу, положил рядом с ней, тихо бормоча ему что-то про море, кажется, про течения, про то, чего младенец ещё не мог понять.

Елена, повернувшись, смотрела на них двоих, устроившихся в тесной кровати рядом с ней, и понимала, что в этой тесной комнате на десятом этаже наконец всё встало на свои места.

Но счастье было недолгим. На третьей неделе Иван заболел. Грудное молоко фонтаном выходило из него сразу после кормления. И вскоре она узнала это странное страшное слово: «пилоростеноз».

Глава 5. Глаза собаки. Первый круг

Собаку эту Елена знала давно — с того самого лета, когда сдавала вступительные.

На «Площади Революции», под мраморными арками, стояла бронзовая пограничная овчарка — одна из четырёх, у ног пограничника. Утреннее метро дышало тёплой волной, запахом разогретого камня и чужих пальто, поезда выталкивали людей, и люди, не сбавляя шага, тянулись рукой к собачьему носу и на бегу его тёрли. Нос от тысяч ладоней, отполированный до зеркала, горел жёлтым. Всё остальное было тёмным, а нос — золотой.

Первый экзамен на экономический был по математике — самый страшный. Школу с математическим уклоном Елена закончила с золотой медалью, но математику не любила: теоремы заучивала наизусть, как стихи на чужом языке — знала, что за чем, но не понимала почему. И боялась, что спросят именно это: почему так. За две недели до экзамена она перестала спать, переписывала доказательства, пока они не начинали ей сниться.

— Ты что, без собаки пойдёшь? — подруга схватила её за локоть у турникета.

Они побежали через переход и протёрли носы всем четырём собакам — на удачу, чтоб уж наверняка.

На экзамене попались два вопроса, которые она повторяла позавчера, — свежие, ещё тёплые в памяти. Пятёрка.

В те годы верить в приметы было легко. Она была молода, и мир ещё расплавился по счетам, которые она ему выставляла.

* * *

Пилоростеноз она выучила за одну ночь. Сужен привратник желудка, пища не проходит: младенец ест и тут же отдаёт всё обратно, фонтаном, и тает на глазах, делается прозрачным и лёгким, как птенец, которого унесёт первым же ветром. Спасёт только операция.

В палате их было двое — две матери с двумя мальчиками, один и тот же диагноз. Накануне до ночи шептались о пелёнках, о сцеживании, о том, что всё ещё наладится. Сына соседки повезли первым. «Быстро, легко, не волнуйтесь», — сказали им обеим. Каталку выкатили в коридор; маленький свёрток смотрел на всех широко открытыми синими глазами; двери закрылись.

А через час по этажу прошла новость, тихая, как сквозняк, и такая же холодная. Мальчик не выдержал наркоза. Тот самый, синеглазый.

Ещё накануне они были одинаковы. Наутро одна ждала операции сына, а другой ждать было уже некого.

Ивана увезут завтра утром.

Весь тот день, оставив сына в реанимации, Елена металась между церковью и метро. То стояла в полутёмной церкви перед Богородицей, горячо шепча слова молитвы, то бежала под землю, к бронзовой собаке, гладила холодный нос. Потом возвращалась в церковь, падала на колени и целовала образ. Она делала всё, что можно было сделать руками, губами, ногами, потому что не делать было нельзя, а сделать по-настоящему было нечего. И где-то к вечеру поняла: ни собака, ни икона ей не отвечают. Она просила, и впервые ясно знала, что просит в пустоту.

Сына увезли на той же каталке, в те же двери.

Елена осталась в палате, сползла на пол под дверью операционной и сидела так, держась: за стену, за себя, за то, что ещё держало.

Ивана вернули. Слабеньким, но живым.

Потом ей скажут: повезло, и она будет кивать по привычке, чтобы не объяснять. Будет вслух благодарить Богородицу, и, тихо, про себя — золотой нос. Но сына спасли врачи: чужое умение и усталые глаза хирурга над столом. А она в ту ночь просто дожила до утра.

* * *

Дома, в комнате семейного общежития МГУ, которую им выделил комендант, Иван спал в кровати с деревянными прутьями, и Саша по ночам вставал к нему, грел бутылочки, мыл их горячей водой, от которой шрам на его ладони наливался розовым. Они были бедны, молоды и почти счастливы — той несмелой радостью, какой радуются, когда только что не потеряли первенца.

По ночам Елена, смотря на их обоих, мужа и сына, спящих каждый в своей постели, думала: теперь она знает цену каждому утру жизни ее сына. И если однажды придётся выбирать между собой, мужем и этим ребёнком, она знала, кого выберет.

Глава 6. Десятый этаж

Ночью на десятом этаже плохо закрывалось окно. Холодный ранневесенний ветер с Ленинских гор находил щель, раскачивал раму, тянул холодом по полу, и Иван просыпался и плакал. Елена одной рукой укачивала сына, а другой пыталась примотать открывавшуюся створку к раме куском проволоки. Шпингалет был сломан, и окно не закрывалось. Саша третью неделю был в море.

На стене висела его карта Баренцева моря, та самая, с которой когда-то всё началось. Тёплое течение заходило с запада и разворачивалось. Елена смотрела на неё почти с неприязнью: это море и отнимало у неё мужа.

Утром она позвонила Игорю. Он пришёл с отвёрткой и плоскогубцами. Быстро, не разуваясь, прошёл в комнату, снял шпингалет, поставил новый. Впервые после свадьбы они оказались вдвоём не случайно, а потому что она попросила. Оба старательно вели себя так, будто майского леса никогда с ними не случалось.

— Саша надолго? — спросил Игорь, не оборачиваясь от окна.

— Ещё две недели. Если погода не задержит.

— А вы с Ваней?

— Что мы? Нормально, — поторопилась она ответить, вложив в голос всю свою уверенность и даже намек на счастье.

Он усмехнулся, закручивая последний винт:

— Ты всё ещё отвечаешь «нормально» раньше, чем спросят, как тебе.

Больше он ничего не сказал. Проверил шпингалет, он держал, собрал инструмент и ушёл, оставив на полу едва заметные следы пыли от ботинок. А Елена ещё долго стояла у окна, глядя вниз, на Воробьёвы горы, где дымила вечерняя Москва.

* * *

Саша вернулся из морской экспедиции загорелый, пропахший табаком, солёной робой и смазкой корабля. Привёз Ивану деревянный кораблик, Елене — банку печени трески из мурманского пайка. Он был счастлив: рассказывал про шторм, когда заливало палубу, а он работал, цепляясь за снасти, про то, как брали пробы воды, как измеряли температуру течения на разных глубинах. Иван не сразу узнал отца, спрятался за материнскую юбку, и Елена видела, как Саша напрягся от этого, как от удара.

Ночью, когда сын уснул, и они, лежали обнявшись в одной постели, она спросила:

— Когда следующая экспедиция?

— В июне, наверное.

— Но... ты же только приехал.

— Лен, это работа.

— У тебя там всё время работа. А здесь тогда что?

Он обиженно замолчал, искренне не поняв обвинения, отвернулся к стене. Он ведь работал для них, для семьи, а не гулял. Именно поэтому Елене стало нечего ответить: он был прав — и всё равно неправ. Она смотрела на него в темноте и узнавала то, что когда-то видела в отце: человек умеет отдаться делу целиком и не заметить, что рядом кто-то, кому очень нужно его тепло, давно остался один.

* * *

Ивану шёл третий год, когда Елена вышла на работу — бухгалтером в кооператив — из тех, что выпускали небольшими партиями женское белье, трусы-«недельку», каких в те годы становилось всё больше: комнатка в кабинете при каком-то НИИ, два стола, калькулятор с бумажной лентой, копирка, кассовая книга. Директор, быстрый человек в спортивном костюме под пиджаком, любил повторять:

— Главное, чтобы по бумагам всё было чисто. Остальное решим.

Эта фраза Елену настораживала. Она сверяла цифры внимательнее, чем от неё требовали, быстро поняла всю нехитрую систему движения денег и то, что директор предпочитал не обсуждать вслух, и стала тем бухгалтером, на которого можно положиться. В качестве неожиданной премии она получила от директора в конверте сумму, близкую к Сашиному окладу на кафедре. С ней пошла на рынок и купила Ивану ботинки на вырост и кусок хорошего мяса.

— Сколько это стоило? — спросил Саша вечером, кивнув на мясо.

Она назвала.

Он помолчал.

— Я премию от директора получила, — сказала она, думая, что утешает.

— Очень рад за тебя, — холодно сказал Саша.

Это прозвучало иначе, чем искренняя радость. И они оба это услышали.

* * *

Перестройка вошла в их комнату через холодильник. По телевизору говорили о переменах, ускорении и гласности, а в магазинах по привычным ценникам нечего было купить. На рынке все было, но вдвое дороже. Елена стояла в очередях после работы, пытаясь отоварить «пак» университетского работника: несколько килограммов гречки, рыбные консервы, сахар и муку, а Саша задерживался на кафедре допоздна. В их маленьком холодильнике из еды и было, что банка варенья, яйца, молоко для Ивана и половина пачки масла.

Когда Саша получил командировочные, он предложил отложить немного на летний отпуск к морю, всем вместе, когда вернется из экспедиции.

— На что откладывать, Саш? — вырвалось у Елены. — Деньги есть, а купить нечего. На рынке всё вдвое дороже.

Он обиделся. Она тут же смягчилась, обняла его, сказала, что устала, что не то имела в виду. Она ещё умела сама гасить собственный протест, не дожидаясь, пока это сделает кто-то другой.

* * *

На Новый год к ним в гости пришли старые друзья. Галя, теперь жена Игоря, достала к столу копчёной колбасы — сервелата, была модно одета и явно раздражена. Расслабившись после бокала шампанского, при всех она уронила, глядя на Игоря:

— У тебя была такая специальность, такие возможности. Я думала, ты человеком в Москве станешь...

— Галь... — начал Игорь.

— Что «Галь»? Я тебе двери открыла. Провинциальной лимите такие двери сами собой не открываются.

За столом стало тихо. Галя запнулась на полуслове, торопливо поднялась и ушла на кухню резать торт, и оттуда донеслось, как слишком громко звякнул о тарелку нож.

Елена посмотрела на Игоря и вдруг узнала выражение его лица. Так она сама молчала перед строгой матерью, перед Диной Петровной, перед всеми, кто был вправе. Игорь перевёл разговор, пошутил, разлил ещё по бокалам, и беседа потекла дальше, как будто не было этой короткой реплики.

Позже, когда гости собрались уходить, они решили их проводить немного, до автобусной остановки. Саша с Галей уже вышли из тесной прихожей, освобождая им место, чтобы одеться. Игорь, застегивая вдруг заевшую молнию на потрепанных ботинках, вдруг сказал, не глядя на Елену:

— Галя в одном права. Я не умею крутиться.

— А обязательно? — спросила Елена.

— Похоже, теперь стало обязательно.

Они посмотрели друг на друга. Игорь первым отвёл глаза.

* * *

Наступила весна, а с ней и новые перемены. Саша пришёл днём непривычно рано и сел за стол, уронив голову на скрещенные руки. Он был раздавлен: при реорганизации кафедры его ставку ассистента сокращали. Экспедиционное финансирование, которое им очень помогало, урезали ещё раньше, в этом году выходов в море больше не предвиделось. А место в семейном общежитии держалось на его работе в университете, значит, скоро придётся освобождать и эту комнату.

Почувствовав холодок под рёбрами, Елена собралась с силами и сказала ободряюще:

— Ничего. Найдём тебе что-нибудь.

— Что?

— Не знаю. Нужно поискать. Все что-нибудь находят.

Он искал по знакомым. Вакансий, где платили бы за то, чему он учился пять лет, не было. Предлагали временное, случайное, почти без денег. Он не хотел становиться человеком на подхвате.

— Я океанолог, Лен. Я пять лет на это учился.

— А я филологом хотела быть, — вдруг сказала Елена.

Он удивлённо посмотрел на неё:

— Что?

— Да ничего, — отмахнулась она.

И снова проглотила главное.

* * *

Вечером они сидели над тетрадкой, куда Елена записывала расходы. Ивану недавно исполнилось три года, нужен был садик, а к зиме — шубка, он часто простужался, болел, и Елена привыкла закутывать его потеплее, выходя на пронизывающий ее до костей зимний ветер. В общежитии оставаться было уже нельзя. Саша опять рассказывал про какую-то открывшуюся на кафедре временную возможность — интересную, но почти без оплаты.

И Елена сорвалась:

— Саша, Баренцевым морем ребёнка не накормишь.

Стало тихо.

Она услышала эту фразу как бы со стороны, и внутри у неё тут же, чужим эхом, отозвалось то, материнское: «Из стихов суп не сварить». Она и узнала свой голос, и не узнала его. Мать, тот человек, который когда-то на кухне положил поверх филологической программы экономическую, только что заговорил её ртом.

Саша медленно поднял на неё глаза.

— Это твоя мать сказала?

— Нет, — ответила Елена.

И, помолчав, добавила:

— Теперь уже я.

* * *

Съёмную комнату они нашли в Капотне, на другом конце Москвы, — дешевле было только за городом. Собирали свою жизнь медленно. Красный блокнот Елена положила между бельём. Саша снял со стены карту Баренцева моря, и на обоях остался светлый прямоугольник, ровный, как окно в другую, прежнюю комнату, прежнюю жизнь. Он свернул её в трубку и убрал в тот самый коричневый картонный тубус, который когда-то скатился к ногам Елены по лестнице общежития. Иван перекладывал из чемодана в чемодан свою машинку, помогал, как мог.

Лифт медленно вёз их вниз с десятого этажа, мимо девятого, восьмого, седьмого, — и это было похоже на спуск из их московской молодости, с той высоты, которая никогда им не принадлежала.

Из окна комнаты в Капотне, которую благосклонно уступил им за символическую плату один из бывших Сашиных товарищей по экспедициям, был виден нефтеперерабатывающий завод. В этой комнате они прожили до зимы. По ночам над заводом стоял ровный оранжевый факел, и Ваня, показывая на него пальцем, говорил: «Солнышко на палочке». Елена смотрела на этот огонь, на полбатона и картофель в холодильнике, на мужа, который читал сыну про морские течения при свете настольной лампы, и не знала ещё, что в один из зимних дней в эту комнату войдёт её бабушка по отцу Лидия Ивановна, оглядит холодильник, потом ребёнка и скажет одно слово.

— Выбирай.

Глава 7. Выбирай

Бабушка вошла без стука.

Дверь в их комнату открылась среди дня. На пороге стояла Лидия Ивановна: статная, с умеренным дорогим макияжем на выбеленном лице, в дорогой норковой шубе, какой в Капотне никто никогда не видел, с небольшим чемоданом в руке, будто ходила с ним всегда. Она обвела комнату медленным брезгливым взглядом: диван, к которому почти вплотную была придвинута кровать Ивана, колготки на батарее, окно с факелом за стеклом, — и надолго замолчала. Держать паузу она умела, как актриса.

За стеной звякнуло стекло, кто-то пьяно захохотал; в дверь качнувшись заглянул хозяйский приятель, извинился, ушёл. Иван, бросив недостроенную башню из кубиков, съёжился под этим взглядом.

Лидия Ивановна перевела глаза на него.

— Ребёнок твой здесь живёт? — спросила она коротко, как ударила.

Елена не успела ответить.

— Собирай вещи, — сказала бабушка спокойно, и от этого спокойствия делалось страшнее, чем от крика.

— Куда?

— Домой.

— А... — Елена начала было сказать про мужа.

Договорить ей не дали.

— Этого не возьму, — сказала Лидия Ивановна так легко, будто уже делала это однажды и знала все движения наизусть. — У меня есть всё. А у него — ничего. Не было и не будет.

Это был приговор.

— Тогда... — начала Елена.

— Тогда выбирай.

* * *

Елена села на кровать. За стеной снова налили, звякнули рюмки. На стене тикали чужие часы, отсчитывая минуты. Иван поставил последний кубик, башня задрожала, качнулась, но устояла.

Чем она наполняла чемодан, потом не могла вспомнить. Брала всё, что попадалось под руку, и слёзы застилали глаза. На дно легли детские ботинки, заяц с оторванным ухом, свидетельство о рождении сына, две фотографии новорождённого. Своего — почти ничего. Красный блокнот она сунула между бельём, не глядя. Свадебная карточка — она, грустная, в платье, взятом напрокат, рядом Саша — стояла на полке; Елена взяла её, повертела в руках и поставила обратно.

— Мы гулять? — спросил Иван.

— Да, — сказала она и почти не соврала.

Один чемодан. Елена вышла вслед за бабушкой, уже уводившей Ваню. За окном горел факел, которому не было дела до того, что они уходят.

* * *

Сначала был лифт, старый, с зеркалом и деревянными панелями. Он поднимался медленно, и в зеркале ехали трое: женщина в старом пальто с чемоданом, женщина в богатой шубе и мальчик трёх лет.

В квартире их встретили высокие потолки с лепниной и паркет, на который страшно было наступить в уличной обуви. В гостиной висел портрет: пожилой мужчина в очках с золотой оправой, умное лицо; на корешках книг за стеклом стояла его фамилия, очень известная в

Союзе писателей. Лидия Ивановна была его вдовой; так её и звали — вдова, и в этом слове было больше веса, чем в имени. Здесь было чисто, тепло и сытно, пахло хорошим кофе.

Сначала Елене показалось — это спасение.

В прихожей висело зеркало в тёмной раме. Проходя мимо, она увидела себя — и не себя: в повороте головы, в линии рта проступили черты бабушки Лидии Ивановны.

К вечеру у Елены началась новая жизнь.

— Паркет так не моют.

— Чашки не туда поставила.

— Ребёнка не так одела.

— В этом доме громко телевизор не включают.

Никто не кричал. Замечания звучали каждый день, ровно, без раздражения, и оттого их было не оспорить. Кабинет покойного держали как при нём: пишущая машинка на дубовом столе с зелёным сукном, кресло, на которое никто не садился. О матери Елены бабушка говорила «она» — двадцать лет только «она», «твоя мать», ни разу по имени.

Однажды, листая семейный альбом, она увидела фотографию молодой бабушки с мальчиком на руках, а рядом — пусто, никого, Лидия Ивановна сказала как бы между делом:

— Разведёшься — вернёшь девичью. И Ване дадим нашу.

«Нашу» — не фамилию писателя, чужую, красивую, как титул. «Нашу» — бабушкину, девичью, ту, что она сама когда-то вернула себе и которую потом носили её сын и Елена.

* * *

Ивана она устроила в хороший садик одним звонком. Елену взяли экономистом на небольшое предприятие тоже по её слову. То, на что в их прежней жизни ушли бы месяцы, здесь решалось за один звонок. В этом была сила дома и его правда.

С первой зарплаты Елена купила сыну новые тёплые ботинки — мальчик рос быстро. Себе — ничего. Даже мысли такой не возникло.

* * *

Саша, выпускник МГУ, теперь проверял билеты в московских трамваях: на прежнюю работу егуже начала о не брали, свободных ставок на кафедрах не было — предлагали временные полставки. Целыми днями он кружил в чужих вагонах, мёрз на остановках и возвращался в пустую комнату в Капотне затемно, пахнувший железом и холодом. Карта течений Баренцева моря, вычерченная им когда-то для диплома, так и осталась в его чемодане под старым диваном на съемной квартире: на карте был один мир, в жизни — другой.

С Сашей она встретилась в парке. Лежал снег, на голых аллеях стояли пустые лавочки. Он пришёл раньше, сидел, ёжась, с пакетом в руках. В пакете была машинка для Вани, купленная на те деньги, что оставались до получки.

Они помолчали. Она отвела глаза.

— Я не могла иначе, — сказала она первой.

— Знаю.

Она стала объяснять, даже слишком подробно, будто убеждала не его, а себя: бабушка устроила Ваню в садик, её взяли на работу, они живут в нормальной квартире, там у них с Ваней есть всё, а у...

Она осеклась. Следующее слово было бабушкино. Выговорить его про отца своего сына она не смогла.

Он не спорил. Спросил тихо:

— А как же мы?

Она долго молчала.

— Она сказала... — пауза, — ...что тебя в её доме не будет.

Он кивнул. Помолчал. Потом улыбнулся — очень устало:

— Значит... я не справился.

Эта фраза ударила сильнее крика.

— Нет. Нет. Ты старался, — заплакала она, размазывая слёзы.

— Иногда этого мало, — ответил он почти шёпотом. — У неё есть всё, а у меня — только я. Выходит, немного.

Он протянул ей машинку:

— Передашь Ване?

Елена взяла её обеими руками.

* * *

Он проводил её до автобусной остановки. Шли как чужие, не касаясь плечами, будто прикосновение ещё могло что-то изменить. Подошёл автобус. Она поднялась, придвинулась к заднему стеклу. Автобус тронулся, а Саша остался стоять без шапки под снегом и делался всё меньше, меньше, пока снежная стена его не скрыла совсем.

Через несколько дней он позвонил — сухо сказал, что уезжает в Нижний, к родителям: они теперь брали своего сына обратно.

Вечером Елена укладывала Ивана.

— А папа скоро придёт? — спросил он, глядя сонными глазами.

В дверях, в дорогом китайском халате, стояла Лидия Ивановна и смотрела в окно, за которым был центр Москвы, тихий двор старого дома — без завода, без вечного факела над трубой. К кровати она не подошла.

Елена стояла у окна. За стеклом ровно и бесшумно ложился на богатый город снег.

— Не знаю, — тихо сказала она сыну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.